

Д. А. ПРОХОРОВ

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

ПРОЕКТЫ ШЛОМО БЕЙМА И АВРААМА ФИРКОВИЧА ПО СОХРАНЕНИЮ «ПЕЩЕРНОГО ГОРОДА» ЧУФУТ-КАЛЕ В XIX В. (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)¹

Аннотация: В середине XIX – начале XX в. Чуфут-Кале стал объектом пристального внимания со стороны российских правительственных кругов, а также научного академического сообщества. Предпринимались различные инициативы с целью изучения и сохранения историко-культурного наследия караимов, одновременно направленные и на сохранение этого «пещерного города» как центра проживания караимов Таврической губернии. Однако открытие караимскими интеллектуалами, при участии представителей российских властей, школы нового типа для караимов на Чуфут-Кале вызвало негативную реакцию у представителей караимской общины, в то время не стремившихся к радикальным переменам в традиционной системе обучения. Отсутствие надлежащей поддержки и проблемы материального характера привели к тому, что это училище было закрыто. Помимо того, попытки Ш. Бейма и А. С. Фирковича перевести в Чуфут-Кале органы конфессионального самоуправления караимов из Евпатории и переселить сюда караимов из Троков и даже из стран Ближнего Востока также потерпели неудачу. В итоге «пещерный город» окончательно пустеет в конце 1870-х гг.

Ключевые слова: Чуфут-Кале, Шломо Бейм, Авраам Фиркович, караимы, Таврическая губерния, историко-культурное и архитектурное наследие.

После присоединения Крыма к России в конце XVIII в. караимские светские и духовные лидеры (Шломо «Чабак» Бабович, Биньямин бен Шмуэль Ага, Йицхак бен Шломо), выступившие в 1795 г. перед российскими властями с ходатайством об освобождении крымских караимов от двойного налогообложения, от уплаты «рекрутских» денег и солдатского постоя, смогли в итоге добиться изменения правового статуса и отмены для караимского населения дискриминационного двойного налога, установленного для российских евреев-раввинистов [13, с. 623, 624]. 8 июня 1795 г., в соответствии указом № 17340 императрицы Екатерины II повелевалось:

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ № FZEG-2017-0013 по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

«...не брать с них [караимов] двойных податей, каковые положены на всех вообще евреев, а взыскивать оные по-прежнему наравне с прочими купцами и мещанами, в области Таврической живущими, предоставляя <...> им по возможности и других выгод и облегчений с предостережением только, чтобы в общество сих караимов не входили из тех евреев, как известны под именем Раббинов, и о которых изданные от Нас высочайшие узаконения должны исполняемы быть во всей точности». Караимам разрешалось и приобретение земли в собственность [17, с. 705–706]. Выступая с инициативами в рамках российского правового поля и регулярно контактируя с представителями различных ветвей власти, караимам удалось сначала добиться открытия в 1837 г. органа конфессионального самоуправления – Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП), а затем и уравнивания их в правах с христианским населением империи. В 1839 г. таврическим и одесским караимским гахамом караимов избрали купца 2-й гильдии Симху бен Шломо (Симху Соломоновича) Бабовича, а 8 апреля 1863 г. был принят закон, в соответствии с которым «караимы, находясь под покровительством общих законов Российской Империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским поданным, смотря по состоянию, к которому кто из них принадлежит» [19, с. 303].

В начале XIX в. из западных губерний Российской империи в Крым переезжают многие представители караимских общин Вольни. Например, в 1803 г. первым караимом, переселившимся вместе с семьей в Евпаторию из общины Луцка, стал Йосеф Шломо бен Моше «Яшар» (Йа-Ша-Р) Луцкий (1770–1844). Вскоре он занял должность духовного наставника караимской общины Евпатории. Последовав примеру Й. Ш. Луцкого, в 1823–1825 гг. на Крымский полуостров прибыли Авраам бен Шемуэль (Авраам Самуилович) Фиркович (1787–1874), Мордехай бен Йосеф Султанский (1771–1862) и Давид бен Мордехай Ниссим Мордкович (Кокизов) (1777–1855) [3, с. 267–270]. Выходцы из караимских общин западных регионов внесли существенный вклад в модернизацию системы традиционного караимского образования и в распространение идей Гаскалы (еврейского Просвещения). В свою очередь, миграция караимов из западных губерний на юг России, как полагает М. И. Гаммал, была обусловлена постепенным угасанием общин Польши и Литвы и, напротив, бурным экономическим ростом региона и перспективами, открывавшимися перед новыми переселенцами в Крыму [3, с. 270].

Продолжавшиеся контакты между караимской верхушкой и российской администрацией мотивировали представителей власти инициировать сбор сведений об истории, происхождении и занятиях караимов, что было вызвано прежде всего практическим интересом, связанным с проблемами инкорпорации караимов в правовое поле Российской империи и их интеграцией в российское языковое и культурное пространство. Внимание к этому вопросу также проявляли многие путешественники и высокопоставленные особы, посещавшие полуостров. Например, в 1834 г. в Крыму побывал французский маршал О. Ф. де Мармон. Он осмотрел Чуфут-Кале, а затем прибыл в Евпаторию в сопровождении князя М. А. Голицына,

графа М. С. Воронцова и графа И. О. Витта [10, с. 205, 206, 263]. Во время посещения евпаторийской караимской кенасы, встречи с караимским духовенством и лидерами местной общины (в их числе были С. Бабович, Й.-Ш. Луцкий, его сын Авраам бен Йосеф «Абен-Яшар» Луцкий (1792–1855), а также «ряд уважаемых и почтенных представителей евпаторийского общества») маршал задал несколько вопросов о происхождении караимов, о времени их появления в Крыму и о том, на каком языке они говорят, однако так и не смог получить на них внятные ответы. «Удивительно, что вы совершенно ничего не знаете о своем прошлом. Не знаете даже того, что происходило всего только 300 лет тому назад», – посетовал О. Ф. де Мармон. Оценив конфуз сложившейся ситуации, присутствовавший на этой встрече А. С. Фиркович заметил, что «нетрудно представить себе, какими невеждами мы показались этому гостю», а С. Бабович, по словам самого А. С. Фирковича, «почувствовал себя точно школьником» [23, с. 82, 83].

Отметим, что многие караимы в связи с трансформациями общественного и экономического характера покидали обжитые места, и, в первую очередь, Чуфут-Кале, который постепенно утратил значение общинного и религиозного центра караимов Крыма. В середине XIX в. многие представители иудейских общин полуострова переезжали в перспективную в торговом и экономическом отношении Одессу, где наблюдалась наибольшая концентрация представителей купеческого капитала по сравнению с другими губернскими городами юга Российской империи; неоднороден был и его национальный состав. Статус «порто-франко», присвоенный Одессе в 1819 г. (он действовал до 1859 г.), привлекал значительное число купцов из внутренних губерний России и из Европы. Во второй половине XIX в. большинство караимских семей также переселялись в Бахчисарай, Евпаторию, Севастополь, Симферополь и другие города Таврической губернии и юга России.

В середине XIX в. караимские и российские интеллектуалы предприняли ряд мер по сохранению Чуфут-Кале как исторического, культурного и духовного центра проживания крымских караимов. Впервые интерес к историческому прошлому «пещерного города» проявился у представителей российских академических кругов в первой половине XIX в. Начало было положено администрацией Таврической губернии, поставившей перед караимскими светскими лидерами и духовенством задачу – собрать наиболее полные сведения о караимах, проживавших на территории Российской империи. Так, 31 января 1839 г. Таврическим губернатором М. М. Муромцовым, по просьбе Одесского общества истории и древностей, а также Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора князя М. С. Воронцова, караимскому гахаму С. Бабовичу официально были направлены шесть вопросов, в том числе и о древности проживания караимов в Крыму.

«Не дождавшись Вашего приезда в Симферополь, – писал М. М. Муромцов С. Бабовичу, – я обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою поручить кому либо из известных Вам своею опытностию и образованием караимов составить так сказать исторические об них замечания, с объяснением с которого времени и по какому

случаю они поселились в Крыму, откуда или от какого народа Караимы ведут свое происхождение, какие есть разительные черты в характере их, не были ли из числа их таких мужей, которые бы ознаменовали жизнь свою чем-нибудь особенным, нет ли в преданиях караимов каких-либо памятников, которые бы свидетельствовали о прежнем политическом их быте, и, наконец, чем особенно отмечаются догматы их религии от Еврейского исповедания?» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 73, 73 об.].

Именно в 1839 г., по мнению многих исследователей (В. В. Вихновича, В. Л. Лебедева и др.), гахамом С. Бабовичем была инициирована широкомасштабная деятельность А. С. Фирковича, положившего начало созданию обширной коллекции рукописей, связанных с историей иудейских общин, в том числе и Крымского полуострова. Хотя следует заметить, что первоначально, по словам самого А. С. Фирковича, о собирании древних рукописей в предложении российских властей не было и речи. «Правительство требовало от караимов разрешения исторических вопросов, а вовсе не рукописей. Предложение гражданского губернатора, сделанное в такой форме гахаму, не могло не возбудить между караимами самого живого сочувствия. Гахам собрал ученых караимов, и предложил им составить ответы на вопросы, сделанные правительством», – вспоминал А. С. Фиркович [4, с. 289].

Интерес к прошлому караимов может быть объяснен и идеями европейского Просвещения, которые во многом определяли политику правительства по разным направлениям. 25 марта 1839 г., по ходатайству Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова, в Одессе было учреждено Императорское Одесское общество истории и древностей, ставшее первой научной организацией в причерноморском регионе. В числе его организаторов были: попечитель Одесского учебного округа Д. М. Княжевич, А. С. Стурдза, А. Я. Фабр, М. М. Кирьяков, профессор Ришельевского лицея Н. Н. Мурзакевич и др. Почетным президентом общества избрали М. С. Воронцова, а президентом – Д. М. Княжевича. 25 сентября 1848 г. от М. С. Воронцова, занимавшего в то время должность главнокомандующего русскими войсками на Кавказе и наместника кавказского, на имя гахама С. Бабовича было направлено письмо, в котором, в частности, говорилось: «К крайнему сожалению моему услышал я, что жители Чуфут-Кале оставляют жилища своих предков и переселяются в другие города, которые предоставляют им более способов как для частной и коммерческой жизни, так и в особенности для воспитания детей их». Для решения этой проблемы М. С. Воронцов предлагал принять вполне конкретные меры. «Душевно желая всеми силами способствовать к сохранению этого любопытного памятника древности, – продолжал князь, – я, по совещанию с Таврическим губернатором, полагаю, что учреждение в Чуфут-Кале главного училища для обучения детей-караимов было бы одним из самых существенных средств к удержанию жителей этого города от переселения в другие города» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 1]. Далее М. С. Воронцов предполагал назначить на должность заведующего предполагавшимся к открытию учебного заведения старшего газзана Шломо бен Авраама (Соломона Авраамовича) Бейма, как «человека образованно-

го, знающего свое дело и постоянно обитающего в Чуфут-Кале», а также учредить должность помощника учителя – с соответствующим их положению содержанием.

Началась работа по организации русско-караимского училища. Заметим, что еще в начале 1840-х гг. газзан Ш. Бейм на деньги, которые он получал от общины в качестве жалования, а также на добровольные пожертвования создал в Чуфут-Кале караимское училище, где сам на протяжении длительного времени преподавал все предметы. В этом училище он впервые ввел обучение русскому языку; кроме того, учащиеся осваивали традиционные дисциплины – ТаНаХ, древнееврейский язык, логику, а также начальные правила арифметики и бухгалтерии [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 633. Л. 13]. Обучение велось по т. н. «ланкастерской» системе², подразумевавшей, что преподавание Закона Божия (в данном случае, «караимского вероучения») ограничивалось лишь чтением ТаНаХа – без его толкований. Важно подчеркнуть, что «систему Ланкастера», или «систему взаимного обучения» применял на практике и сам князь М. С. Воронцов, когда в 1815–1818 гг. он состоял командиром русского оккупационного корпуса во Франции, и в созданных им же школах обучал грамоте по ланкастерской системе солдат и младших офицеров [7, с. 91, 92]. Принцип этой системы заключался в том, что лучшие ученики (т. н. «мониторы»), под наблюдением учителя, в одно и то же время, в одном помещении обучали отстающих учеников. Весьма схожей в этом компоненте «ланкастерской» системы была система преподавания в караимских мидрашах. Первоначально в училище Ш. Бейма обучалось полтора десятка учеников; затем их число увеличилось, по некоторым сведениям, до 100 [21, с. 55, 56]. Срок обучения устанавливался в три – четыре года. Экзамены назначались по следующим предметам: ТаНаХ, древнееврейский язык, русский язык и логика. Таким образом, единственным программным нововведением в учебный курс школы стало включение русского языка, а сама система преподавания была механически перенесена в программу новой школы из традиционной караимской, мидрашной.

В апреле 1841 г. чиновники Бахчисарайского городского управления, по приглашению Ш. Бейма (очевидно, рассчитывавшего на их положительные отзывы и перспективу финансирования), посетили организованное им на Чуфут-Кале училище. «Прибыв туда, – сообщал один из приглашенных, – мы нашли очень порядочное здание, чисто и обдуманно устроенное, и в нем до 100 мальчиков учеников, которые благовидною и скромною своею наружностью внушали самое выгодное мнение о своем наставнике. Некоторые из случившихся тут ученых караимских старшин делали испытание учащимся и отзывались о их ответах с величайшею похвалою, как для них, так и для их учителя». По окончании экзамена учащиеся исполнили гимн «Боже, царя храни» на караимском языке, при этом Ш. Бейм пообещал присутствовавшим, что на следующий год дети будут исполнять этот гимн уже на русском языке. Далее чиновник сообщал, что Ш. Бейм, занимавший должность учителя в

² Данная система обучения была названа так по имени английского педагога и общественного деятеля Джозефа Ланкастера.

организованном им училище всего полтора года, «неусыпную и благонамеренную своею заботливостью умел склонить жителей Чюфут-Кале³ к исправлению улиц и дорог, и кроме того, успел уже завести в своем обществе очень много полезного, в том числе и это училище». По заключению местной администрации, до вступления Ш. Бейма в должность заведующего училищем в этом учебном заведении «было едва 14 учеников; притом, он первый начал здесь обучать их читать и писать по-русски» [РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 365. Л. 6, 6 об.].

В этой связи следует заметить, что подобный образовательный проект ранее уже предлагался А. С. Фирковичем, однако реализовать его не удалось. Дело в том, что новые реалии внутривосточной жизни Российской империи побуждали караимов вырабатывать и новые принципы конфессиональной и этнической идентичности. Поэтому в своем стремлении дистанцироваться от евреев-раввинистов караимские лидеры предприняли ряд шагов, которые должны были продемонстрировать главные отличия караимизма от талмудического иудаизма. Одним из проявлений такой идеологической борьбы стало возрождение полемического жанра традиционной караимской историографии, который, по заключению ряда исследователей, не был востребован в караимской литературе с XVIII в. [4, с. 289]. С начала 1820-х гг. А. С. Фиркович жил в Евпатории, где выполнял функции личного секретаря С. Бабовича и воспитателя его детей. Там же, в Евпатории, в 1830-х гг. была создана типография, финансирование которой осуществлял С. Бабович; он же принимал участие в формировании издательской политики [3, с. 278–279]. Общее руководство типографией осуществлял Й-Ш. Луцкий, текущими делами занимались А. С. Фиркович и Д. М. Кокизов.

Но не все издававшиеся в типографии книги доходили до читателя. Например, напечатанный там в 1858 г. тираж полемического сочинения М. Султанского «Сэфер Тетиб Даат» («Руководство ума»), направленного против еврейской религиозной философии и хасидизма (в этой книге, составленной в виде ответов на 21 вопрос, автор полемизировал с талмудической философией каббалистики), по решению ТОКДП был изъят – «во избежание повода для вражды между караимами и талмудистами» [14, с. 60]. Сфальцованный, но не обрезанный лист этого сочинения ныне хранится в фонде 241 Государственного архива Республики Крым [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1471. Л. 5–8]. Та же судьба постигла и труд А. С. Фирковича «Масса у-мерива» («Искушение и спор», 1838 г.), в котором автор подверг радикальной критике хасидизм. Тираж книги, вызвавшей скандал в караимской общине, по распоряжению самого С. Бабовича был уничтожен [4, с. 290–293]. Произведению А. С. Фирковича «Хотем тохнит» («Печать совершенства», 1834 г.), напротив, удалось избежать участи «Масса у-мерива», хотя антираввинистическая полемика является центральной темой вступления к трактату. А в книге «Воззвание» А. С. Фиркович выступил с идеей создания учебного заведения «нового» типа для караимского юношества, основные

³ Так в документе.

положения которого предвосхитили проект, впоследствии разработанный Ш. Беймом. В этом произведении А. С. Фиркович заочно полемизировал с талмудистами, изображая их в неприглядном и сатирическом ракурсе; другая группа евреев-раввинистов представлена *маскилим*, идеологами Гаскалы с их передовыми в то время просветительскими идеями и, в том числе, с идеей о реформировании системы традиционного еврейского образования. И хотя впоследствии А. С. Фиркович заявлял, что раскаивается «в том, что сделал все это с некоторой горячностью», тем не менее, антираввинистическая полемика его произведений вызвала серьезный идеологический и общественный резонанс [4, с. 290–293].

Отметим также, что открытое Ш. Беймом в 1840-х гг. в Чуфут-Кале караимское училище преследовало цель, чтобы учащиеся могли в его стенах получать прежде всего богословское образование. Для этого Ш. Бейм предполагал ввести специальное отделение для обучения газзанов, а выпускники, окончившие училище, получали бы звание кандидатов в караимские священнослужители. Тем не менее, несмотря на все прогрессивные для своего времени новации, эта школа просуществовала недолго – во многом из-за сопротивления консервативно настроенных влиятельных караимских кругов. Пытаясь привлечь внимание российской администрации к проблемам «пещерного города», Ш. Бейм предлагал восстановить работу данного учебного заведения.

Одновременно с Ш. Беймом активную деятельность по реформированию системы караимского народного образования развил и А. С. Фиркович. В 1844 г., во время визита попечителя Одесского учебного округа Д. М. Княжевича в Евпаторию, он смог добиться аудиенции у высокопоставленного чиновника, в ходе которой А. С. Фиркович, будучи уполномочен караимской общиной, сообщил, что «караимы, вполне постигая благодетельное внимание к ним Правительства, желают обучать своих детей Русскому языку», в связи с чем ходатайствуют об определении в мидаш при евпаторийской кенасе двух учителей русского языка. В соответствии с проектом, разработанным А. С. Фирковичем, один из предполагаемых к назначению учителей должен был владеть русским, еврейским и крымскотатарским языком, причем заниматься в училище ему предлагалось в основном с учениками, совершенно не владеющими русским языком. В обязанности старшего учителя входило бы обучение учащихся этой дисциплине на более углубленном уровне [РГИА. Ф. 733. Оп. 97. Д. 105. Л. 1, 1 об.]. При этом Д. М. Княжевич в рапорте на имя товарища (заместителя) министра народного просвещения подчеркнул, что преподававший до этого в мидаше зять А. С. Фирковича, Гавриил Семенович Фиркович (1805–1870), не только продемонстрировал на экзамене удовлетворительные познания в русском языке, но и был готов исполнять должностные обязанности младшего учителя безвозмездно. Помимо этого, как заметил попечитель Одесского учебного округа (ОдУО), Г. С. Фиркович «с похвальным усердием, желая всеми средствами способствовать просвещению своего племени, жертвует ежегодно по 171 р.[уб.] 48 и 6/7 к.[оп.] серебром, в течении четырех лет, на жалование Старшему учителю, в

чем и [далее] обязался подпискою». Вполне вероятно, что статус как Авраама, так и Гавриила Фирковичей в евпаторийской общине был довольно шатким, и все их инициативы носили исключительно инструментальный характер и преследовали цель закрепиться в общине, используя сложившуюся в караимской образовательной среде ситуацию⁴.

26 сентября 1844 г. был получен ответ от самого министра, действительного тайного советника С. С. Уварова, оказавшийся в целом благожелательным, и необходимое разрешение было вскоре подписано, однако с уточнением, что присвоение преимуществ службы учителей приходских училищ, установленных указами правительства, на караимов распространяться не могут, так как караимское училище при евпаторийской кенасе не являлось подведомственным Министерству народного просвещения [РГИА. Ф. 733. Оп. 97. Д. 105. Л. 1 об., 2, 6].

Тем не менее, проект Ш. Бейма, а также образовательные инициативы русских властей вновь отрицательно восприняли представители караимской общины Чуфут-Кале. Вызвано это было, прежде всего, фактом включения русского языка в программу училища, а также использованием новых методов преподавания (одним из нововведений стало также и то, что в училище Ш. Бейма обучение детей велось на европейский манер, за столами, тогда как в мидрашах ученики сидели на полу) [11, с. 12]. Скептически к идее создания школы нового типа отнеслось и руководство ТОКДП. Кроме того, отток караимских семей из «пещерного города» в конце 40-х гг. XIX в. приобретал массовый характер, и поэтому «заведенное Беймом училище [было] лишено верного и прочного обеспечения в своем существовании» [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 633. Л. 1 об.]. М. С. Воронцов, совместно с таврическим губернатором генерал-лейтенантом В. И. Пестелем и гахамом С. Бабовичем, разработал проект о предоставлении местному населению ряда льгот: например, речь шла об освобождении караимов, проживавших в Чуфут-Кале, от отбывания городских и земских повинностей сроком на 25 лет, или же бессрочно, что, по замыслу авторов проекта, должно было убедить жителей остаться в «пещерном городе» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 5, 6].

Помимо всего прочего, военный губернатор Симферополя и таврический гражданский губернатор генерал-лейтенант Г. В. Жуковский 2 ноября 1848 г. в отношении № 19625 обратился к караимскому гахаму с предложением о переносе Духовного правления из Евпатории в Чуфут-Кале – на том основании, что «этому учреждению более пристойно иметь пребывание в древней колыбели караимского народа, нежели в другом городе» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 8, 8 об.]. Заметим, что на необходимости перевода ТОКДП в Чуфут-Кале прежде всего настаивал Ш. Бейм, стремившийся реализовать свои инициативы, направленные на удержание караимского населения на Чуфут-Кале (обсуждение возможности осуществления подоб-

⁴ Устный комментарий относительно роли А. С. и Г. С. Фирковичей в караимской общине Крыма сделан научным сотрудником кафедры иудаики Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова М. И. Гаммалом, за что автор выражает ему свою признательность.

ного шага еще неоднократно рассматривалась властями, о чем будет сказано ниже) [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 633. Л. 13 об.].

Предлагалось также перевести из Евпатории и караимскую типографию для печатания книг, необходимых для обучения караимского юношества, а также передать бахчисарайскую кенасу в подчинение Большой (Соборной) кенасе Чуфут-Кале, с назначением туда одного газзана по усмотрению ТОКДП [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 9].

8 ноября 1850 г. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор генерал-майор от инфантерии П. И. Федоров распорядился: 1) передать караимское училище в Чуфут-Кале в ведомство Дирекции народных училищ Таврической губернии; 2) назначить в это учебное заведение дополнительно еще одного учителя, а Ш. Бейму, помимо преподавательских обязанностей, поручить также и хозяйственное заведование училищем; 3) финансовое обеспечение училища осуществлять из сметы т. н. «татарского сбора» (ежегодно предполагалось расходовать до 500 руб.) [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 633. Л. 2].

Однако этот проект ожидаемо встретил возражения со стороны учебного начальства, поскольку в высших эшелонах власти было распространено довольно идеалистическое представление о действительности при отсутствии четкого понимание реальных проблем, сопровождавших интеграцию «инородческого» населения. Например, попечитель ОдУО, действительный статский советник М. Н. Бугайский, опираясь на данные доклада директора народных училищ Таврической губернии, коллежского советника А. В. Самойлова, обратил внимание министра просвещения князя П. А. Ширинского-Шахматова на то, что «Чуфут-Кале, не имея сейчас никакого течения в торговом или промышленном отношении, приходит в упадок, и при видимом уменьшении народонаселения, едва ли можно и с предполагаемым пособием поддержать на дальнейшее время существующее там Караимское училище. Нахождение этого местечка невдалеке от Бахчисарая, где еще сохранился Татарский характер, совершенно чуждый всякой мысли о правильном воспитании, представляет особенные трудности к искоренению предрассудков, существующих в сем отношении равно у Татар и Караимов» [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 633. Л. 10 об.].

Далее попечитель указывал на более важные, по его мнению, задачи в сфере караимского народного образования. М. Н. Бугайский сообщил, что функционировавшие при Евпаторийской кенасе семь караимских мидрашей (очевидно, речь шла о трех мидрашах с несколькими отделениями) более востребованы и в большей степени нуждаются в финансовой поддержке, так как могут «дать правильный ход образованию караимских детей», при этом самого Ш. Бейма, как «человека образованного и благонамеренного», М. Н. Бугайский предлагал направить в Евпаторию с назначением его на учительскую должность в один из этих мидрашей. Данный шаг, по мнению главы учебного ведомства, не только помог бы установлению надлежащего контроля за учебным процессом в караимских школах со стороны МНП, но и способствовал бы дальнейшей интеграции караимов и распространению среди них идей русской образованности и культуры. Аргументом в пользу доводов попечителя

ОдУО служила и значительная разница в числе караимов, проживавших в то время в Чуфут-Кале (около 300 чел.) и в Евпатории (2800 чел.), что делало существенным и предполагаемый контингент учащихся (30 против 274) [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 633. Л. 10 об., 11, 12]. За обсуждением этой проблемы угадывается и скрытый конфликт интересов, возникший между влиятельными членами караимской общины Евпатории и Ш. Беймом.

Тем не менее, П. А. Ширинский-Шахматов не нашел оснований отклонить проект Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, тем более, что великий князь Константин Николаевич, побывавший в 1850 г. в Крыму, по утверждению Ш. Бейма, в беседе с ним «изволил выразить <...> свое желание о сохранении древних памятников Чуфут-Кале» [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 633. Л. 13 об.]. В свою очередь, гахам С. Бабович, явно не желавший допускать обострения отношений с вышестоящим начальством, обратился к подведомственным ТОКДП караимским общинам с циркуляром, в котором, указывая на заинтересованность в этом вопросе М. С. Воронцова, В. И. Пестеля и Г. В. Жуковского, все же распорядился открыть караимское училище на Чуфут-Кале. Для этой цели в «пещерный город» им был командирован Г. С. Фиркович, в то время учитель Евпаторийского караимского училища (ранее он исполнял обязанности газзана и меламеда в Троках, а затем, переселившись в Крым между 1838 и 1840 гг., занимал аналогичные должности в караимской общине Симферополя) [2, с. 160]. Заведовать учебным заведением поручалось, по согласованию с вышестоящим начальством, старшему газзану Ш. Бейму с правом взимать с учеников (местных и приходящих иногородних) плату в размере от 4 до 15 руб. серебром в год (до назначения помощников и определения официального жалования). По замыслу гахама, представители караимской общины Чуфут-Кале «кроме исполнения воли Его Сиятельства, покажут пример и другим обществам, пример сильного желания и стремления к приличному образованию детей своих» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 12, 12 об.].

Однако в марте и апреле 1849 г. Ш. Бейм и Г. С. Фиркович докладывали, что поручение гахама по открытию училища в Чуфут-Кале ими выполнено не было «по причине неудовольствия бахчисарайского караимского общества» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 14, 15]. Очевидно, члены местной караимской общины крайне негативно отнеслись к нововведениям властей. В то время внутриобщинная жизнь караимов подчинялась строгой регламентации в соответствии с религиозными догмами и патриархальными традициями, поэтому любые попытки модернизации рассматривались как потенциальная угроза устоям общества. Тем не менее, в мае 1851 г. император Александр II утвердил положение об этом образовательном учреждении. В документе, в частности, было сделано распоряжение: передать училище в ведение Дирекции училищ Таврической губернии; назначить второго учителя на должность преподавателя русского языка (с окладом в 150 руб. серебром в год); Ш. Бейму поручить преподавание остальных предметов, а также заведование хозяйственной частью училища (с окладом 230 руб. в год). Кроме того, предполагалось ежегодно

выделять суммы на ремонт здания училища и на приобретение учебных пособий для воспитанников (в размере 120 руб.) [18, с. 352, 353; 21, с. 55, 56].

В апреле 1852 г. караимское училище в Чуфут-Кале, которое было призвано служить «центром образования живущих в Таврической губернии караимов», было торжественно открыто [8, с. 68]. Вот как описывали это событие очевидцы: «Двадцатого апреля, местечко Чуфут-Кале, в осчастливленное милостивым вниманием Государя Императора, даровавшего льготы для поддержания этого достопамятного по историческим воспоминаниям и древности гнезда Караимов, праздновало открытие Караимского приходского училища, для чего, по приглашению старшего Газзана и учителя закона Бейма, прибыли многие посетители и посетительницы. В 10 часов старшины Караимского сословия, предводимые учителем Беймом, посетили Г.[осподина] Директора [народных] Училищ [Таврической губернии], который представил их Председателю Казенной Палаты, Действительному Статскому Советнику Княжевичу, заменившего Г.[осподина] Начальника Губернии, удержанного болезнью. Старшины и учитель Бейм пригласили Его Превосходительство на торжество открытия; приняв приглашение, Г.[осподин] Председатель сказал им приветствие, изъявил надежду, что они воспользуются милостью Государя вполне оценить предлагаемые им средства воспитать детей своих, станут обучать их языку Русскому, и не покинут местечка замечательного по древности своей. Затем все общество, большею частью верхом, двинулось к местечку, предводимое старшинами. По прибытии к главным воротам на ровной площадке каменистой скалы Г.[осподин] Председатель Казенной Палаты Княжевич, генерал-майор Боассель, Директор Училищ Самойлов и все посетители встречены были гражданами Чуфут-Кале и детьми, поступающими в училище. Старшины поднесли хлеб-соль, и, изъявив признательность посетителям, один из них просил передать благодарность Г.[осподину] Начальнику Губернии за его милостивое ходатайство. Дети пропели приветственные стихи, и предводимые учителем Беймом, в сопровождении всего общества отправились в синагогу, где совершено было молебствие Газзаном Беймом, по обрядам Караимской веры, с возглашением многолетия Государю Императору и всему Августейшему семейству. Молебствие окончилось приветствием Г.[аззана] Бейма посетителям и словом к своим согражданам» [РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 365. Л. 35].

Тем не менее, отсутствие должной финансовой поддержки со стороны властей (по всей видимости, к тому времени уже охладевших к детищу Ш. Бейма) и караимской общины Бахчисарая вскоре все же привели к тому, что это учебное заведение стало испытывать серьезные затруднения материального характера. Помимо всего прочего, приглашенный на должность преподавателя русского языка и арифметики Д. И. Калпакчиев, проживавший в Бахчисарае, в 1855 г. подал в отставку, а сменивший его 7 декабря 1856 г. на этом посту педагог А. И. Тихонович, переведенный из Феодосийского уездного училища, не смог вести занятия, так как «проболел всю зиму» [8, с. 71]; 14 мая 1858 г. он скончался прямо на рабочем месте [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 936. Л. 3]. Помимо этого, из числившихся в училище 25 воспитанников в

действительности его посещали только восемь человек, и лишь трое из них обучались русскому языку.

В годы Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. население Бахчисарая значительно увеличилось как за счет расквартированных в городе воинских частей русской армии, так и в связи с наплывом беженцев из других городов полуострова, охваченных боевыми действиями. По сведениям, представленным канцелярией городской полиции Бахчисарая, в городе насчитывалось 976 караимов; из них значительный процент приходился на членов караимской общины Евпатории и Севастополя, а также близлежащих деревень. Часть беженцев разместились в почти уже опустевшем «пещерном городе» Чуфут-Кале. По словам очевидцев, вынужденные мигранты образовали общину приблизительно в 100 семей; большинство из них составляли бедняки или люди со средним достатком [5, с. 336–338; 11, с. 8, 9]. Число учеников в Чуфут-Кале увеличилось за счет прибывших беженцев: часть из них занималась в училище Ш. Бейма, а другие – у Моше Койлю (деда известного караимского ученого, писателя и просветителя Самуила Шемарьевича Пигита) [12, с. 50].

Во время Крымской войны Ш. Бейм не только сыграл важную роль в укреплении патриотического духа среди единоверцев, но и активно содействовал командованию русской армии. В мае 1855 г., по рекомендации генерала-лейтенанта В. И. Пестеля, старший газзан Ш. Бейм был приглашен в распоряжение главнокомандующего Южной армией в Крыму князя М. Д. Горчакова. Ему было поручено заниматься сбором сведений на территории Таврической губернии, снабжая информацией Главный штаб Южной армии, располагавшийся на Инкерманских высотах в прифронтной полосе [РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 365. Л. 44; 21, с. 57, 58]. Собранную информацию Ш. Бейм передавал в Карасубазар гахаму С. Бабовичу. С начальником штаба русской армии генерал-адъютантом П. Е. Коцебу Ш. Бейм поддерживал личный контакт. В свою очередь, российское командование снабжало караимского газзана не только необходимыми инструкциями, но и деньгами, предназначенными для ведения разведывательной деятельности на полуострове и за его пределами, например, в Херсонской губернии (в частности, деньги шли на оплату информаторов и лазутчиков) [22, с. 502]. На Чуфут-Кале были прикомандированы двое рядовых солдат 6-го резервного Владимирского пехотного и 5-го резервного батальона Суздальского полков и для обеспечения охраны местных жителей от возможных «несправедливых требований военного начальства» [22, с. 501]. Главнокомандующий Южной армией в Крыму князь М. Д. Горчаков также поручил старшему газзану прокладку новой дороги на Чуфут-Кале, при этом сам проект строительства согласовали с настоятелем Успенского монастыря [9, с. 16]. Тогда же, в 1855 г., после проведения успешных переговоров с командованием союзников о выводе из Евпатории мирного населения, Ш. Бейму удалось вывезти из оккупированной Евпатории семьи караимов, которые не смогли сделать этого ранее (всего на Сакскую косу, а затем в Симферополь на подводах было эвакуировано 40 мужчин, 46 женщин и 117 детей) [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 18. Л. 1 об.; РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 365. Л. 66, 66 об.].

По окончании войны вынужденные мигранты вернулись в свои города, и Чуфут-Кале вновь опустел. Ш. Бейм, в то время исполнявший обязанности Таврического и Одесского караимского гахама вместо умершего 12 июня 1855 г. С. Бабовича [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 21], предпринял очередную попытку привлечь внимание властей к проблемам «пещерного города». С этой целью он обратился к генерал-губернатору Новороссийскому и Бессарабскому графу А. Г. Строганову с ходатайством, чтобы ему был сделан официальный вызов в Санкт-Петербург – «для личного представления объяснений по делам, относящимся к вверенным ему духовным и учебным должностям» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 38, 38 об., 50, 50 об.]. В сопровождавшем ходатайство письме на имя А. Г. Строганова, в частности, говорилось: «Истинный покровитель науки и защитник ревнителей просвещения! С душевным благоговением глубокой признательности приемлю смелость повергнуть пред стопами Вашего Превосходительства те нижайшие просьбы, с которыми я имел счастье в июне 1851 г. представиться лично». Далее Ш. Бейм повторял свою просьбу, которая сводилась к тому, что «цель поддержания караимского училища с пособием от казны и дарованные льготы от Градских и земских повинностей и суммы на исправление дороги на Чуфут-Кале по Высочайшему повелению клонилась наверно к нравственному образованию бедных мальчиков, с показанием примера другим согражданам и спасению от опустения этой древней колыбели разных народов <...> но к крайнему сожалению, никаких успехов не оказалось в течении 5 лет при всех моих стараниях <...> Равно открытое с 1837 года Духовное Правление в Евпатории не имело никакого влияния на религиозное и нравственное положение моих единоверцев, движущихся вперед не просвещением, но светским обращением коммерческих сословий, среди коих они лишаются скромно-национальных своих обычаев, за которые получили до ныне похвальные результаты под покровительством Могущественного Правительства» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 53 об., 54].

В вышеприведенном фрагменте указана одна из причин неэффективности работы училища Ш. Бейма, а именно отсутствие поддержки со стороны как ТОКДП, так и местной караимской общины. По отзывам современников Ш. Бейма, многие недолюбливали его за то, что старший газзан «свободомысляще относился к [караимским] законам», а это, по мнению оппонентов Ш. Бейма, могло привести к нежелательным последствиям. «Ты подаешь гибельный пример, ибо, глядя на тебя, так станет поступать и толпа: если на кедры пал огонь, то что будет со стенным мхом?» – вопрошали старшего газзана недовольные его нововведениями старейшины общины [11, с. 10, 11]. Ш. Бейм признавал, что не в состоянии исправить данную ситуацию, к тому же осложнявшуюся открытым неприятием членов караимской общины и бездействием местных чиновников [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 56]. Очевидно, что у Ш. Бейма ранее возник серьезный конфликт и с некоторыми влиятельными караимами – об этом может свидетельствовать и упоминание в рапорте А. Г. Строганова на имя министра внутренних дел о ситуации, сложившейся в караимской общине после смерти гахама С. Бабовича. Так, таврический губернатор

Г. В. Жуковский сообщал А. Г. Строганову, что вызов Ш. Бейма в столицу «для личных объяснений» и по его просьбе не имеет под собой никаких веских оснований, тем более, что и. о. караимского гахама предполагал осуществить эту поездку за счет казны или же на средства караимской общины, при этом не имея от самой общины ни полномочий на подобные ходатайства, ни согласия на оплату расходов.

В конечном итоге Ш. Бейм официального вызова в столицу так и не получил, однако в августе 1856 г., во время торжеств по случаю официальной церемонии коронации императора Александра II, смог передать российскому самодержцу в качестве подарка часть пергаментного листа с отрывком из глав Пятикнижия XIV–XV вв. (Исх. 11:8–18:25), ранее хранившегося в кенасе Чуфут-Кале. На оборотной стороне пергамента Ш. Бейм написал «благоговейнейшее приветствие» императору по случаю его вступления на престол, выразив при этом надежду, что Александр II «утешит Караимское общество, не удостоившееся послать из среды своей депутатов» на столь представительное мероприятие. Кроме того, по мнению Ш. Бейма отрывок Пятикнижия, преподнесенный в дар императору, не только должен был подтвердить преданность караимов российскому самодержавию, но и послужить «неоспоримым документом древнего гнезда Караимов» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 39–42 об.]. К этому же времени относится и упоминание Ш. Беймом о подготовленном им очерке о Чуфут-Кале и караимах, который он представил на «благоусмотрение» таврического губернатора Г. В. Жуковского [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 42].

Помимо всего прочего, Г. В. Жуковский, высказавшийся о нецелесообразности вызова Ш. Бейма в Санкт-Петербург, сообщил вышестоящему начальству, что крымскими караимами на должность гахама был избран не Бейм, а два других кандидата, «об утверждении коих и вступило уже представление в Таврическое губернское правление, против какового выбора хоть Бейм и протестовал, но без достаточных доказательств о неправильности оного» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 51]. В конце 1856 г. в Евпатории состоялись выборы нового гахама, при этом большинство голосов получили: брат Симхи Бабовича, евпаторийский купец 2-й гильдии Бабакай Нагаму бен Шломо Бабович (100 голосов «за», 11 голосов «против»), и бахчисарайский мещанин Йицхак бен Йааков Пенбек (78 голосов «за», 32 «против»), причем таврический губернатор, генерал-майор граф Н. В. Адлерберг сообщил А. Г. Строганову, что из указанных лиц «достоин быть гахамом купец Бабакай Бабович» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 59, 59 об., 61].

Вероятно, вышеупомянутый конфликт произошел у Ш. Бейма с представителями семьи Бабовичей, а именно с братом Симхи Бабовича Бабакаем. Как следует из архивных документов, в соответствии с предложением таврического губернатора Н. В. Адлерберга и вице-губернатора И. Я. Браилко Таврическому губернскому правлению от 9 июля 1855 г., бахчисарайский старший газзан Ш. Бейм был допущен к исполнению обязанностей главы ТОКДП лишь до избрания нового гахама. В 1857 г. им официально стал евпаторийский купец 2-й гильдии Б. Бабович, причем сам

Ш. Бейм подписал протокол процедуры его избрания [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 3. Л. 78 об.; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 61].

Так как Ш. Бейм, осознававший все недостатки работы вверенного ему училища и сетовавший, что все это только способствовало усилению недовольства общины и вызывало нарекания у представителей администрации, фактически ничего не смог предпринять для изменения ситуации [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 54, 54 об.], то попечитель ОдУО, известный российский педагог и медик Н. И. Пирогов вскоре предложил прекратить отпуск денег на содержание училища и перенести его в Евпаторию или Бахчисарай. В августе 1857 г. караимское училище в Чуфут-Кале по распоряжению таврического губернатора Г. В. Жуковского было закрыто [21, с. 57; 8, с. 72].

Несмотря на это негативное для себя решение, Ш. Бейм не оставил идею о сохранении и возрождении Чуфут-Кале и вскоре направил в адрес вышестоящих административных кругов несколько ходатайств. Крымским исследователем О. Б. Белым в фонде 241 «Таврическое и Одесское караимское духовное правление» ГАРК были обнаружены важные документы, проливающие свет на эту проблему. Так, в 1860 г. в ТОКДП было заслушано предписание военного губернатора г. Симферополя и таврического гражданского губернатора В. Г. Жуковского от 25 ноября № 19625. В документе сообщалось, что Ш. Бейм в проекте, представленном Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору М. С. Воронцову о преобразовании Чуфут-Кале предлагал: «...1. Восстановить упраздненное в Чуфут-Кале Главное Караимское Училище с тем, чтобы при нем учреждено было и особое отделение для образования собственно кандидатов в караимские Раввины. Это подчинить ближайшему ведомству Духовного Правления и Главному наблюдению общего Губернского Училищного Начальства. 2, Для большего оживления М.[естечка] Чефут-Кале привлечением караимов по встречающимися духовным делам, перевести туда из Евпатории Караимское Духовное Правление на том основании, что этому учреждению более пристало иметь пребывание в древней колыбели караимского народа, нежели в другом городе, кроме того полезно было бы завести в место пребывания Духовного правления Духовного Правления и Типографию для печатания собственно караимских книг необходимых к обучению караимского юношества; и 3, существующий ныне в Бахчисарае караимский молитвенный дом подчинить главной Чуфут-кальской синагоги, с назначением туда одного Раввина по усмотрению караимского духовного правления» [1, с. 662].

Однако в ответ на это Духовное правление в рапорте М. С. Воронцову заявило, что российское правительство в течение длительного времени предоставляло караимскому населению Чуфут-Кале различные льготы и привилегии, а именно: «...жители тамошние освобождены от податей и повинностей, учреждено было там на казенном иждивении Русское училище, вместе с продолжением издревле существовавшего такого караимского, но все эти усилия остались бесполезными, так, что из этих заведений не вышло и одного ученика порядочно выучившегося ни по-русски ни по-караимски». А поскольку караимы, после присоединения Кры-

ма к России, ознакомившись «с русскими обычаями и поняв пользу общежития и деятельной жизни по торговым промыслам и оборотам, оставляли постоянно свою уединенную дикую скалу Чефут-Кале и бездеятельную жизнь и найдя каждый из них по своим возможностям средства жизни водворились по разным местам», то необходимости поддерживать «пещерный город» в соответствии с положениями проекта Ш. Бейма ТОКДП не сочло необходимым [1, с. 663].

Помимо всего прочего, члены ТОКДП во главе с Б. Бабовичем полагали, что «ни один из караимов не согласился бы переехать в Чефут-Кале или отправить туда детей своих для обучения, потому что это было бы сопряжено с большими издержками, ибо нужно бы строить вновь все необходимые помещения, как для училищ, так и для частных людей, для Правления и служителей, то же самое надо сказать и о типографии, без которой весьма достаточно удовлетворяя надобность в книгах при самых учениках. В отношении же подчинения Бахчисарайского молитвенного дома к Чуфут-кальской синагоге, почти уже не существующей, то <...>⁵ нет ни малейшего повода» [1, с. 663].

В итоге ТОКДП вынесло свой вердикт относительно предложений, изложенных в проекте Ш. Бейма: «...мысль Газзана Бейма о разрушении постоянного караимского жительство в Евпатории и в других местах и восстановлении вновь их в древней жизни на развалинах Чефут-Кале, как колыбели караимской <...>⁶ совершенна ни при настоящим правилам ни понятиям, ни даже религиозным побуждениям». Члены ТОКДП, обращаясь к М. С. Воронцову, просили «не оставить ходатайством об оставлении проекта Газзана Бейма как не удобного бесполезного и клонящегося лишь к стеснению караимского общества, нарушении их спокойствия и к затруднению самого начальства оставить без последствий» [1, с. 663].

Тем не менее, попытки по сохранению Чуфут-Кале как центра проживания караимов не прекратились. Среди материалов, связанных с историей изучения и охраны Чуфут-Кале во второй половине XIX – начале XX вв., аккумулированных в ГАРК, следует указать на дела фонда 241 (все дела из 1-й описи; язык документов – иврит, караимский, русский): «Переписка Чуфуткальского газзана Бейма с Духовным правлением о сохранении Чуфут-Кале, как древней колыбели караимов» (ед. хр. № 1668; 1867 г.); «Переписка Одесского [караимского] общества с Духовным правлением <...> о сохранении Чуфут-Кале как древности» (ед. хр. № 1815; 1860 г.); «Обращение ТОКДП ко всем обществам по вопросу сохранения Чуфут-Кале как древности» (ед. хр. № 1888; б. д.); «О древнем городе Чуфут-Кале и охране его» (ед. хр. № 1895; б. д.) «О поддержании исторического караимского памятника Чуфут-Кале» (ед. хр. № 1175; 1911–1913 гг.), «Переписка Бахчисарайского общества с Духовным правлением об охране Чуфут-Кале» (ед. хр. № 1672; 1913 г.) и пр.

Например, 23 ноября 1860 г. Шломо Бейм докладывал в духовное правление, что, несмотря на все усилия по сохранению Чуфут-Кале, действия бахчисарайских караимов по «опустошению этой синагоги [Большой кенасы Чуфут-Кале] доводят

⁵ Неразборчиво в документе.

⁶ Неразборчиво в документе.

это осчастливленное Высочайшим вниманием местечко до крайности» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 23, 23 об.]. Личное вмешательство гахама в ситуацию, который потребовал разъяснить, какое именно имущество кенасы Чуфут-Кале, движимое и недвижимое, представители бахчисарайской караимской общины позволили разделить «по потребности приобретенного ими там [в Бахчисарае] молитвенного дома», и в силу каких причин Ш. Бейм препятствовал «караимам, в Бахчисарае живущим, молиться Богу в доме, для этого там ими приобретенном», общего положения дел не изменило – караимы продолжали массово покидать Чуфут-Кале.

Ш. Бейм, помимо своей преподавательской деятельности и службы на посту газзана, был известен и как один из пионеров археологических и археографических изысканий как в «пещерном городе» Чуфут-Кале, так и в самом Крыму и за его пределами. 29 сентября 1843 г. он получил открытое предписание таврического гражданского губернатора В. И. Пестеля приступить к поиску рукописей, книг и артефактов, имеющих отношение к истории караимов. «Предъявитель сего Бахчисарайский Караимский хаззан Соломон Авраамов сын Бейм отправляется в город Карасубазар, Старый Крым и Херсонес для разыскания древностей, – распорядился губернатор, – посему предписываю полицейским властям дозволить ему в означенных местах разыскание древних книг, надписей и проч., оказывать притом ему законное вспомоществование» [РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 365. Л. 1]. 13 апреля 1851 г., в соответствии с письмом вице-президента императорского Русского географического общества М. Н. Муравьева, старшему газзану Ш. Бейму сообщалось об избрании его член-сотрудником общества. «Императорское Русское географическое общество, – говорилось в документе, – желая пользоваться просвещенным участием Вашим в трудах своих, избрало Вас своим членом-сотрудником». Ш. Бейму был также выслан диплом об утверждении его членом общества и его устав [РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 365. Л. 29].

Документальные свидетельства, связанные с исследовательской работой Ш. Бейма в окрестностях городища Чуфут-Кале и на его некрополе, на Тепе-Кермене и у г. Агармыш (г. Старый Крым), выявлены О. Б. Белым в фонде 489 «Бахчисарайская городская дума» ГАРК. Датируются эти документы периодом 1846–1859 гг. и представлены: ходатайствами Ш. Бейма в Бахчисарайскую городскую думу о выделении рабочих и средств для проведения раскопок, предписаниями и отношениями таврического губернатора и вице-губернатора в Бахчисарайскую думу с предложением оказывать помощь Ш. Бейму в его археологических изысканиях, ответными бумагами городской думы, записками, реляциями местной администрации и пр. [1, с. 643]. Так, например, таврический губернатор Г. В. Жуковский в апреле 1858 г. сообщил в Бахчисарайскую городскую думу, что «караимский газзан и Раввин Бейм, имеющий пребывание в Чуфут-Кале, принес в дар Ришельевскому лицу собранные им в некоторых местах Крыма окаменелости и раковины, изъявив желание не только продолжать собрание окаменелостей, но и открывать древние монеты и надписи, встречающиеся <...> под горою Агармыш, на Греческом, Генуэзском и древне-Еврейском языках. Вследствие

чего Г.[осподин] Попечитель Одесского учебного округа просит распоряжения об оказании Бейму со стороны местного начальства содействия в необходимых случаях, могущих представиться при отыскании под горою Агармыш древних надписей и монет, предназначенных для Ришельевского лицея» [1, с. 651].

В фонде 241 ГАРК также сохранились документы, проливающие свет на некоторые эпизоды из жизни и деятельности А. С. Фирковича. Например, это дела описи 1: «О древних рукописях Библии, найденных ученым А. Фирковичем» (ед. хр. № 1442, 1840 г.); «С циркулярным письмом Духовного правления караимским обществам об ученом Фирковиче и 8-ми памятниках в Чуфут-Кале доказывающим о пребывании караимов в Крыму после христ.[ианской] эры» (ед. хр. № 1498, 1863 г.); «Переписка ученого Фирковича с Духовным правлением об историческом значении Чуфут-Кале и сохранении его как колыбели караимов» (ед. хр. № 1910, 1868–1872 гг.) и др.

К началу 1860-х гг. относится и конфликт Ш. Бейма с А. С. Фирковичем (оба на тот момент состояли членами Императорского Географического Общества) относительно проблемы сохранения и изучения караимских надгробных памятников кладбища в Иосафатовой долине. Разногласия были вызваны тем, что А. С. Фиркович вывез с территории караимского кладбища в Чуфут-Кале восемь древних надгробных памятников (по словам же самого А. С. Фирковича, он «не раскапывал их могилы и не тронул надписи, только срезал головки надгробных камней с надписями»). В своем рапорте таврическому губернатору от 18 июля 1863 г. А. С. Фиркович сообщал, что представляет «свидетельство со списком на обороте оною, древним памятникам, найденным мною в недрах Земли <...> На караимском кладбище Иосафатовой долине в 11-м, 12-м и 13-м квадратах того в близи предместья Чуфут-Кале на благоусмотрения и зависящего распоряжения Вашего Превосходительства» [1, с. 653]. В ответ на это Ш. Бейм заявил, что «тревожить эти камни с места освященного веками в честь погребенных никакое лицо не может дерзать, кроме крайних случаев, по распоряжению правительства, и что перенесение подобных памятников куда-либо частными лицами послужит дурным примером для корыстолюбивых лиц» [1, с. 655]. В ответ А. С. Фиркович возразил, что надгробные памятники были им взяты «с позволения Бахчисарайского караимского общества при чиновнике полиции и с дозволения <...> Таврического Караимского духовного правления», и что «камни те отправлены уже мною в С.[анкт-]Петербург на имя Его Сиятельства министра двора Графа Адельберга» [1, с. 655–657]. Впоследствии восемь мацев, вывезенных А. С. Фирковичем с кладбища в Чуфут-Кале, хранились в фондах Азиатского музея в Санкт-Петербурге, а затем были перевезены в Ленинградский музей этнографии и антропологии АН СССР [25, с. 80].

Помимо этого, в фонде 821 «Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел» Российского государственного архива сохранилось несколько документов, свидетельствующих о еще одной стороне деятельности А. С. Фирковича. 24 апреля 1858 г., по распоряжению «Комитета по устройству евреев», А. С. и Г. С. Фирковичи подготовили докладную записку по вопросу о том,

«какого рода ограничения, для евреев постановленные, не должны распространяться на караимов». Ключевым в этом документе стало предложение об организации органов духовного самоуправления в Троках, поскольку подобное учреждение уже существовало у караимских общин центральных и южных губерний (ТОКДП). Одним из основных пунктов в прошении являлся пересмотр социального статуса караимов, населявших западные губернии, поскольку, как утверждалось в документе, караимское население при польских королях было причислено к городскому сословию (мещанам), существенно отличавшемуся по предоставляемым правам от городского сословия Российской империи, которое, в свою очередь, подразделялось на подгруппы (почетные граждане, купцы, мещане, цеховые ремесленники, посадские люди). Трокские караимы добивались пересмотра их социального статуса в Российской империи, намереваясь «выйти из мещанства» и быть причисленными к более привилегированному сословию – почетным потомственным гражданам, что подразумевало бы освобождение от выплаты подушной подати, от телесных наказаний и рекрутской повинности (т. е. от выплаты рекрутских взносов). В прошении также значились пункты об устройстве конфессионального караимского суда (т. н. словесного суда) для разбора дел гражданского характера между караимами, а также об отмене для караимов платежей за право торговли. Предлагалась даже возможность использования караимов в интересах МИД Российской империи в качестве «отличных драгоманов, переводчиков и купцов для сношения России с Востоком». Для этой цели необходимо было, по замыслу просителей, учредить высшее караимское училище при ДДДИИ МВД, «в котором бы молодые Караимы изучали сверх русской словесности и начал всех вообще главных наук, еще в особенности языка арабский и французский, столь необходимые и общеупотребительные во всей западной Азии, и которое имело бы целью готовить купцов, переводчиков и драгоманов для русских миссий на Востоке» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 79, 84, 85, 88 об, 89, 91 об., 93 об., 94 об., 95].

После проведения консультаций между ведомствами и руководствуясь полученными от Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора генерал-майора от инфантерии П. И. Федорова, военного губернатора и управляющим гражданской частью, Гродненского, Ковенского и Минского генерал-губернатора В. И. Назимова отзывами высшие инстанции вынесли свой вердикт. Относительно ходатайства трокских караимов об уравнивании их в сословных правах с лицами христианского вероисповедания власти приняли решение о возможности предоставления таких прав, равно как и о их прошении именоваться «российскими караимами исповедания Ветхого Завета». Что же касается остальных «прав и преимуществ», изложенных в ходатайстве, то губернская администрация в лице П. И. Федорова и В. И. Назимова не нашла «никаких достойных уважения причин» для их удовлетворения. Что касается предложения А. С. Фирковича об организации караимского училища, то в высших инстанциях посчитали, что существовавшее в Троках уездное училище вполне удовлетворяло потребности населения в образовании, и караимы вполне могли отдавать туда своих детей. Создавать же специальное, организованное по на-

циональному признаку учебное заведение, финансируемое правительством, власти пока сочли нецелесообразным [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 112 об., 113, 123 об.].

Весьма энергичная и во многом скандальная деятельность А. С. Фирковича как коллекционера еврейских рукописей создала ему неоднозначную репутацию не только среди ученых, но и внутри караимской общины. И хотя сам А. С. Фиркович именовал себя «главным наставником всех сынов Писания», «Евпаторийским караимским учителем» или даже «главным караимским учителем» (подобная «тителатура» присутствует и в официальной переписке российских властей), однако его авторитет среди караимов был отнюдь не безусловен⁷. В 1865 г. А. С. Фиркович после возвращения с Ближнего Востока поселился в Чуфут-Кале, направляя свои усилия на возрождение покинутого караимами «пещерного города». Из материалов архивных дел известно, что А. С. Фиркович лично предпринимал меры к его благоустройству. «Чтобы сохранить для потомства значение этого местечка [Чуфут-Кале] и чтобы увековечить на месте дорогой знак Монаршего Благоволения» (в цитируемом фрагменте речь идет о пожалованной караимской общине Чуфут-Кале летом 1842 г. супругой российского императора Николая I Александрой Федоровной, в знак особого благоволения, серебряной кружке, или игольнице), А. С. Фиркович, в соответствии с данным им обетом, на собственные средства огородил караимское кладбище в Иосафатовой долине каменной стеной и построил помещение для кладбищенского сторожа. Кроме того, вместо «оставленных без всякого надзора» и вырубленных деревьев на этом кладбище А. С. Фиркович высадил фруктовый сад. В своих ходатайствах к новороссийскому и одесскому генерал-губернатору, а также министру внутренних дел он упоминал, что с целью «наблюдения за надлежащим устройством» Чуфут-Кале он вместе с семьей переселился на плато (в середине 1860-х гг.). Помимо этого, он собирался перевезти из Евпатории в Чуфут-Кале караимскую типографию, которой владел с конца 1850-х гг., а также «содержать там же своим иждивением местное техническое училище, если впоследствии на это дозволение вышестоящего начальства» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 2, 2 об.]. Как следует из этого документа, А. С. Фиркович намеревался воплотить в жизнь основные пункты нереализованного ранее проекта Ш. Бейма по сохранению Чуфут-Кале, где в 1860-х гг. проживало всего 40 караимов [1, с. 663].

Благодаря своей неутомимой энергии, А. С. Фиркович все же смог добиться от администрации Таврической губернии отпуска денежных средств на нужды Чуфут-Кале. Так, например, в 1872 г., как следует из рапорта Строительного отделения Таврического губернского правления, «главному караимскому наставнику» из государственных сумм было отпущено 500 руб. на проведение ремонтных работ по исправлению дороги, ведущей в крепость. По распоряжению Таврической контрольной палаты губернский архитектор Еремеев 4 марта 1874 г. провел освидетельствование выполненных А. С. Фир-

⁷ Подобная титулатура в контексте традиционной культуры караимов является искусственно созданной, и свидетельствует лишь о том, что А. С. Фиркович, помимо должности газзана, никаких официальных постов в караимской общине не занимал (устный комментарий М. И. Гаммала).

ковичем работ. В составленном архитектором акте, в частности, говорилось о том, что по дороге, ведущей от Успенского монастыря в крепость, «возможно довольно удобно проехать в экипаже до самых Восточных ворот Чуфут-Кале», при этом по сведениям, представленным бахчисарайским полицмейстером полковником Шостаком, до проведения ремонта этот путь длиной 1,5 версты (1,6 км) был непригоден для экипажей из-за загромождавших дорогу камней, упавших с обрыва, промоин и рытвин, образовавшихся после дождей и весеннего схода снега [ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1477. Л. 1, 4]. Оставшуюся от затрат по ремонту сумму в 35 руб., как докладывал Еремеев, А. С. Фиркович использовал на устройство второй дороги, пригодной для верховых всадников, которая вела от основной дороги к западным воротам крепости, а ее протяженность составляла 120 саженей (256,03 м) – при этом архитектор замечал, что в настоящем виде дорога эта трудна и для двух верховых лошадей, в то время как А. С. Фиркович собирался сделать возможным проезд для четырех всадников в ряд. Расходы А. С. Фирковичем отпущенных ему казенных сумм властями были признаны «весьма умеренными», о чем Строительное отделение информировало Таврическую контрольную палату [ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1477. Л. 5, 5 об.].

А. С. Фиркович и далее продолжал предпринимать усилия для решения проблемы сохранения Чуфут-Кале. В 70-х гг. XIX в. он выдвинул проект переселения в город 40 караимских семейств из Трок. В феврале 1871 г. он обратился к российскому министру внутренних дел А. Е. Тимашеву с докладной запиской, в которой, в частности, сообщал, что «к самым замечательным по своей древности местностям в Российской империи бесспорно принадлежит древнее жилище караимов местечко Чуфут-Кале», где, по словам ходатая, помимо исследованных им надгробных памятников караимского кладбища Иосафатовой долины, «находится много других замечательных по своей глубочайшей древности памятников, которых не коснулась еще рука человеческая и которые предстоит еще открывать». Далее А. С. Фиркович указывал, что эти памятники находятся под угрозой разрушения, так как многие жители выселились из этого «пещерного города», и с каждым днем опасность «святотатного посягательства невежества на эти памятники глубокой древности» возрастала [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 1].

Инициатива А. С. Фирковича состояла в следующем: для возрождения Чуфут-Кале как исторического памятника и центра проживания караимов он вновь предлагал перенести резиденцию ТОКДП из Евпатории (где оно находилось со времени своего утверждения в 1837 г.) в Чуфут-Кале, а также освободить 20 караимских семей (но не более 100 душ мужского пола), которые пожелали бы переселиться сюда из Литвы и Волыни, от всех денежных сборов и повинностей (в том числе, и от денежной недоимки в размере 200 руб. серебром, полагавшейся к выплате изъявившими желание переселиться в Крым со времени польского восстания 1830–1831 гг.) – «в вознаграждение за те лишения, которым они могут подвергнуться, поселясь в этом пустынном месте» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 1 об.]. А. С. Фиркович также предлагал рассмотреть возможность выдачи переселенцам в качестве беспро-

центного займа денежной суммы в 3 тыс. руб. сроком на десять лет для покрытия дорожных расходов и на приобретение необходимых в обзаведении хозяйством скота и земледельческих орудий. Кроме того, А. С. Фиркович ходатайствовал перед властями о возвращении Чуфут-Кале земельных угодий (полей и пастбищ), ранее составлявших собственность местной караимской общины и впоследствии перешедших в ведение городских властей Бахчисарая. Завершалась докладная записка выражением «полной надежды на просвещенное внимание» министра внутренних дел к благому делу науки и «преуспеянию народа, вверенного провидением мудрой заботливости возлюбленного монарха» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 3].

Проект А. С. Фирковича детально рассмотрели сразу в нескольких вышестоящих инстанциях, при этом он вызвал обстоятельную переписку между ведомствами. Например, департамент окладных сборов министерства финансов в докладной записке на имя А. Е. Тимашева от 24 февраля 1871 г. сообщал, что заселение Чуфут-Кале желательно не только ввиду сохранения памятников древности, имеющих важное историческое значение, «но и потому еще, что в оной местности, оставшейся совершенно безлюдною по выселении [из Крыма] татар <...> было бы весьма полезным образование поселений караимов, отличающихся своим трудолюбием, честностью и предприимчивостью» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 5 об., 6]. Таким образом, департамент окладных сборов выразил свое согласие поддержать проект А. С. Фирковича в части предоставления налоговых льгот и денежной субсидии переселенцам из западных губерний России в Крым, а вопрос о возвращении караимам земельных угодий отправил на рассмотрение МВД.

За окончательным разъяснением относительно проекта А. С. Фирковича МВД обратилось к генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии П. Е. Коцебу, который 14 февраля 1872 г. представил свое мнение по интересующему делу. Как следовало из рапорта, после ходатайства А. С. Фирковича в 1870 г. генерал-губернатор отправил проект (как и в случае с проектом Ш. Бейма) в ТОКДП для соответствующего отзыва и дальнейшего заключения по данному вопросу. Однако последовавший вскоре ответ носил негативный характер для проекта А. С. Фирковича. В частности, Духовное правление вновь обращало внимание должностных лиц, что «в Чуфут-Кале не может быть никакой торговой и промышленной деятельности <...> Неудобства жизни там столь значительные, что почти все жившие в местечке караимы выселились оттуда, бросив свои жилища. При отдаленности местечка от заселенных местностей и неудобств существующей к нему скалистой дороги жители его с большим трудом приобретали необходимые жизненные потребности, отчего ценность их была несравненно выше, чем в Бахчисарае и в других городах, не говоря о том, что каждый из них должен был держать лошадей, ослов или мулов для ежедневных поездок в Бахчисарай за припасами. Те же из обывателей, которые имели торговые или ремесленные занятия в Бахчисарае, принуждены были <...> оставлять на целые дни свои семейства без всякого надзора и помощи», и даже в «опасности на случай болезни». Именно поэтому, по убеждению ТОКДП, караимские семьи «ни в коем случае не пожелают воротиться на

ту уединенную безводную степь для стеснительного жительствова», а предоставление определенных льгот и преференций «нисколько не приохотит их к переселению туда вновь» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 14, 14 об., 15, 21 об.].

Что же касается предложения А. С. Фирковича относительно перевода ТОКДП из Евпатории в Чуфут-Кале, то здесь члены правления были еще более категоричны. Они заявили, что осуществление подобного шага будет сопряжено с «притеснением всего караимского народа», так как справедливо полагали, что переезд этого учреждения из экономически развитой Евпатории, где караимская община к 1870-м гг. составляла практически половину от общего числа караимов, проживавших в Таврической губернии (например, в 1864 г. евпаторийская караимская община насчитывала 1524 чел., в то время как численность всех караимов, проживавших в губернии, доходила до 3500 чел.) [6, с. 262; 20, с. 129, 130], имело бы негативные последствия для всех караимских общин. Помимо всего прочего, ТОКДП указывало на то обстоятельство, что в Чуфут-Кале отсутствовала надлежащая инфраструктура для его работы (а именно, не было помещений ни для самого правления, ни для его членов; также отсутствовала гостиница для приезжавших по делам просителей). Постройка новых зданий для этих целей потребовала бы привлечения значительных средств, которыми, как говорилось в рапорте ТОКДП, караимы на тот момент не располагали. Любопытно, что ответ ТОКДП практически дословно повторял текст его же резолюции, данной по поводу проекта Ш. Бейма почти 10 лет назад.

Помимо всего прочего, члены ТОКДП сообщили генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии, что перевод правления из Евпатории мог последовать лишь по инициативе самого правления, и лишь в том случае, если бы «оно видело в этом какое-либо удобство или выгоду, но переселение самого же Фирковича каждый год на зиму из Чуфут-Кале в Бахчисарай достаточно свидетельствует не в пользу удобства местечка для жительствова» (к тому же сам Бахчисарай превратился в заштатный городок, не представлявший, по мнению Духовного правления, для караимов экономического интереса) [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 15, 15 об., 16, 23]. В заключении своего рапорта члены ТОКДП просили власти об оставлении ходатайства А. С. Фирковича без последствий. Что же касается самого «пещерного города», то караимские общины сами высказали желание «предотвратить Чуфут-Кале от разорения», но посредством других мер, без «неуместного и бесполезного домогательства г.[осподина] Фирковича». Например, предлагалось переселить в Чуфут-Кале только несколько бедных караимских семей, представители которых могли осуществлять необходимый уход и охрану памятника. На эти цели, а также на содержание там младшего газзана и караимской кенасы предполагалось израсходовать, путем сбора общинного налога, денежные средства: с представителей купеческого сословия планировалось брать по 1 руб., с мещан – по 25 коп. с человека. По мнению членов ТОКДП, данная мера была бы вполне достаточной для поддержания «колыбели караимов» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 16 об., 24].

Однако наиболее веским аргументом в позиции, занятой верхушкой караимского духовенства, стали опасения за возможные последствия принятия проекта А. С. Фирковича. «Подобными домогательствами, – говорилось в рапорте ТОКДП от 21 мая 1871 г., – [А.С.] Фиркович может безвинно выставить караимов в глазах правительства как недовольных дарованными им бесценными правами и монаршими милостями, которыми предки этого народа, со времени пленения и разорения Иерусалима Титом Веспасиановым сыном, до присоединения Крыма к России никогда и нигде не удостоились» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 23, 23 об.]. В свою очередь П. Е. Коцебу, разделяя мнение ТОКДП о нецелесообразности проекта А. С. Фирковича как «неудобного, бесполезного и клонящегося лишь к стеснению караимского общества», в рапорте на имя министра внутренних дел заметил, что «едва ли удобно, ценою льгот и пособий, привлекать еврейское население к водворению в пункт, находящийся в весьма близком расстоянии от христианского монастыря (Успенский скит)». Примечательно, но в отношении историко-архитектурных объектов П. Е. Коцебу констатировал, что Чуфут-Кале «была первоначально татарской крепостью <...> караимы же поселились там не ранее XVI столетия», и что кроме гробницы дочери хана Тохтамыша Ненкеджан-Ханым, не очень древних домов и караимских не древних надгробных надписей, по его мнению, «в Чуфут-Кале нет других особенных достопримечательностей. Многие надписи относятся к позднему времени, наиболее же древние из них вывезены г.[осподином] Фирковичем в Петербург, где проданы им <...> за значительную сумму». Новороссийский и Одесский генерал-губернатор выступил с предложением обратиться к Одесскому обществу истории и древностей с просьбой «попечения об охранении всего, что может быть достопримечательностью в Чуфут-Кале» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 18, 19]. Необходимое заключение вскоре было составлено секретарем ООИД, действительным статским советником Н. Н. Мурзакевичем, который в своей «Записке о достопримечательностях местечка Чуфут-Кале», помимо всего прочего, также подверг сомнению выводы, сделанные А. С. Фирковичем относительно древности пребывания караимов в Крыму [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 26–27 об.].

В конечном итоге проект А. С. Фирковича о переселении в Чуфут-Кале 20 караимских семей из Литвы и Волыни принят не был, поскольку вышестоящие инстанции сочли более приемлемым и менее затратным для государственной казны предложение о мерах по сохранению историко-архитектурных достопримечательностей «пещерного города», сделанное ТОКДП [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 31–35 об.]. К тому же, по некоторым сведениям, представители общины из г. Трок были разочарованы плохим качеством земли и отсутствием воды на плато и переселяться не пожелали [24, с. 78]. Однако уже 2 августа 1870 г. бахчисарайский полицмейстер Шостак в рапорте на имя таврического губернатора сообщал о том, что по приглашению старшего газзана А. С. Фирковича из Бакинской губернии прибыли девять семей субботников: «...с тем предположением, что если отыщут удобную землю вблизи для хлебопашества, то останутся жить в Чуфут-Кале». Но и пребывание

субботников в «пещерном городе» было весьма краткосрочным, и из Чуфут-Кале они направились в сторону Феодосийского уезда, с целью «поселиться на землях, принадлежащих караимам <...> если отыщут удобную землю, в противном случае, возвратятся домой» (при этом бахчисарайский полицмейстер ссылаясь в своем рапорте на сведения, которые ему сообщил симферопольский караимский купец и землевладелец И. И. Пастак) [ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 499. Л. 1, 1 об., 5]. Вскоре Феодосийское городское полицейское управление докладывало, что девять семей субботников проездом через Феодосию «объявили, что едут в Тамань через Керчь» [ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 499. Л. 7]. Тем не менее, попытки наладить общинную жизнь на Чуфут-Кале продолжались. В фонде 241 ГАРК имеется дело № 1532, озаглавленное «Заявление караимов, проживающих в Хите (Персия) о переселении их в Иерусалим или Чуфут-Кале», и датированное 1871 г.; в нем собраны различные документы по указанному вопросу. Однако этот проект в итоге тоже не был реализован.

Окончательно же Чуфут-Кале пустеет, по-видимому, после смерти самого А. С. Фирковича (в 1874 г.). Как свидетельствуют источники, последними обитателями Чуфут-Кале были братья М. и Ю. Пигиты. Впоследствии караимской общественностью еще неоднократно предпринимались попытки возродить Чуфут-Кале, которые, однако, в большинстве своем, остались лишь на бумаге [15, с. 41–61; 16, с. 392–396].

Таким образом, можно констатировать, что предпринимавшиеся в 40–70-х гг. XIX в. караимскими интеллектуалами Ш. Беймом и А. С. Фирковичем усилия по сохранению «пещерного города» Чуфут-Кале не принесли желаемого результата. Открытие Ш. Беймом, при участии представителей российских властей, школы нового типа для караимов вызвало негативную реакцию у представителей караимской общины, в то время не стремившихся к радикальным переменам в традиционной системе обучения. Отсутствие надлежащей поддержки у единоверцев и проблемы материального характера привели к тому, что караимское училище на Чуфут-Кале было закрыто. Появление реформированных караимских учебных заведений, где наряду с традиционными дисциплинами преподавались и общеобразовательные, пришлось на начало 1870-х гг., когда осуществлялась масштабная реформа всей системы народного образования российских «инородцев».

Что же касается многочисленных инициатив А. С. Фирковича, направленных на сохранение и поддержание «древней колыбели» караимов в Крыму, следует заметить, что и они не нашли должного отклика у общественности, хотя по ряду вопросов получили содействие правительства. А. С. Фиркович не всегда согласовывал свои масштабные проекты и шаги с последующей их реализацией с руководством караимских общин, и, что более важно, с влиятельными духовными и светскими лидерами караимов. Перенос учреждений караимского конфессионального самоуправления из экономически развитой Евпатории в Чуфут-Кале, предложенные Ш. Беймом и А. С. Фирковичем, заселение пустующего города выходцами из российских губерний и даже других стран, проекты по превращению города в оживленный центр караимского сообщества так и остались нереализованными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый О.Б. Новые материалы к биографии Соломона Бейма // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 639–666.
2. Гаммал М.И. «Зиккарон ле-дор ахарон» Гавриила Фирковича, или Литературные последствия одного банкротства // Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике / Ред. В.В. Мочалова. М., 2011. Т. II. Академическая серия. С. 159–173.
3. Гаммал М.И. Интеллектуалы против прагматиков: польские караимы в Крыму // Евреи: другая история. М., 2012. С. 265–286.
4. Гаммал М. Караимская историография в первой половине XIX века на примере полемических произведений А.С. Фирковича // Новые исследования по еврейской истории. Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике. Академическая серия. Вып. 42. М., 2012. Т. III. С. 288–305.
5. Гончарова Л.Л. Бахчисарай в годы Крымской войны 1854–1856 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь: АнтикВА, 2008. С. 336–345.
6. Домбровский Ф.М., Ханацкий К.В., Элерс. Краткое историко-статистическое обозрение Таврической губернии // Памятная книжка Таврической губернии / Под ред. К.В. Ханацкого. Симферополь: тип. Таврич. губ. правления, 1867. Вып. 1. С. 144–247.
7. Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь: Бизнес-информ, 2007. 312 с.
8. Казас И.И. О мерах к поддержанию Чуфут-Кале // ИТУАК. 1890. № 10. С. 61–73.
9. Лебедева Э.И. Крымская война и караимы. Симферополь: ЧП «Элиньо», 2004. 79 с.
10. [Мармон О.Ф.] Путешествие маршала Мармона в Венецию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря, в Константинополь некоторые части Малой Азии Сирию, Палестину и Египет / пер. с фр., изд. К. Полевым. М., 1840. Т. 1. 26. 266 с.
11. [Пигит С.Ш.] Дни минувшие... Из воспоминаний С.Ш. Пигита [Пер. с древнеевр. И. Круглевич] // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 5–6, октябрь–ноябрь. С. 8–14.
12. [Пигит С.Ш.] Дни минувшие... Из воспоминаний С.Ш. Пигита [Пер. с древнеевр. И. Круглевич] // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 7, декабрь. С. 43–51.
13. Познанский С. Бабович Симха бен-Соломон // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / Ред. А.Я. Гаркави, Л. Каценельсон. СПб.: изд-ие Общества для научных еврейских изданий и изд-ва Брокгауз-Ефрон, б. г. Т. III. Стлб. 623–624.
14. Приднев С. Караимские книги, изданные в Евпатории // Известия Крымского Республиканского краеведческого музея. Симферополь, 1996. № 14. С. 58–64.
15. Прохоров Д.А., Кизилов М.Б. Чуфут-Кале – «Иудейская крепость» в Крыму – как экскурсионный объект в конце XIX – начале XX вв. (К проблеме использования памятников караимской истории и культуры) // Параллели. Русско-еврейский альманах. М.: Дом Еврейской книги, 2009. № 10–11. С. 41–61.
16. Прохоров Д.А. Документы по истории изучения Чуфут-Кале в XIX – начале XX вв. в Государственном архиве в АР Крым // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 392–396.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIII. Отд. I. С. 705–706.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1852. Т. XXVI. Отд. I. 1851. С. 352–353.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1866. Т. XXXVIII, Отд. I. С. 302–306.

20. Статистический временник Российской империи / Изд-е Центрального статистического комитета МВД, СПб.: тип. К. Вульфа, 1866. Ч. I. XXXVI, 243, 117 с.
21. Фельдман Д.З. С.А. Бейм – глава караимской общины Крыма (по архивным материалам) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2000. № 3. С. 53–63.
22. Фельдман Д.З. Документы РГАДА по истории крымских караимов XVIII–XIX вв.: опыт архивного исследования // Источниковедение и историография истории Крыма XV–XVIII вв.: проблемы и перспективы. Симферополь, 2016. С. 493–506.
23. Фиркович А. «Авнэ Зиккарон»: путевые заметки Авраама Фирковича // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 5–6, октябрь–ноябрь. С. 82–87.
24. Хроника текущей жизни. Общие известия. Положение Чуфут-Кале // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2, июль. С. 78.
25. L.Z. Podróż naukowa T.S. Lewi-Babowicza // Myśl Karaimska. Wilno, 1928. T. 1, Z. IV–V. S. 80.

REFERENCE

1. Belyj O.B. Novye materialy k biografii Solomona Bejma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 639–666.
2. Gammal M.I. «Zikkaron le-dor aharon» Gavriila Firkovicha, ili Literaturnye posledstvija odnogo bankrotstva. Mochalova V.V. (ed.), *Materialy XVIII Mezhdunarodnoj ezhegodnoj konferencii po iudaike*, Moscow, 2011, Vol. II, Akademicheskaja serija, pp. 159–173.
3. Gammal M.I. Intellektualy protiv pragmatikov: pol'skie karaimy v Krymu. *Evrei: drugaja istorija*, Moscow, 2012, pp. 265–286.
4. Gammal M. Karaimskaja istoriografija v pervoj polovine XIX veka na primere polemicheskijh proizvedenij A.S. Firkovicha. *Novye issledovanija po evrejskoj istorii. Materialy XIX Mezhdunarodnoj ezhegodnoj konferencii po iudaike*, Moscow, 2012, Vol. 42, Akademicheskaja serija, Vol. III, pp. 288–305.
5. Goncharova L.L. Bahchisaraj v gody Krymskoj vojny 1854–1856 gg. Mogarichev Ju.M. (ed.), *Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik*, Simferopol, AntikvA Publ., 2008, pp. 336–345.
6. Dombrovskij F.M., Hanackij K.V., Elers. Kratkoe istoriko-statisticheskoe obozrenie Tavricheskoj gubernii. Hanackij K.V. (ed.), *Pamjatnaja knizhka Tavricheskoj gubernii*, Simferopol, 1867, Vol. 1, pp. 144–247.
7. Zakharova O.Ju. *General-fel'dmarshal svetlejšij knjaz' M.S. Voroncov*. Simferopol, Biznes-inform Publ., 2007, 312 p.
8. Kazas I.I. O merah k podderzhaniju Chufut-Kale. *Izvestiya Tavricheskoj uchenoy arhivnoj komissii*, Simferopol, 1890, Vol. 10, pp. 61–73.
9. Lebedeva Je.I. *Krymskaja vojna i karaimy*. Simferopol, Elin'o Publ., 2004, 79 p.
10. *Puteshestvie marshala Marmona v Veneciju, Transil'vaniju, Juzhnuju Rossiju, po Krymu i beregam Azovskogo morja, v Konstantinopol' nekotorye chasti Maloj Azii Siriju, Palestinu i Egipet*. Moscow, 1840, Vol. 1, 266 p.
11. Pigit S.Sh. Dni minuvshie... *Karaimskaja zhizn*, Moscow, 1911, Vol. 5–6, October–November, pp. 8–14.
12. Pigit S.Sh. Dni minuvshie... *Karaimskaja zhizn*, Moscow, 1911, Vol. 7, December, pp. 43–51.
13. Poznanskij S. Babovich Simha ben-Solomon. Garkavi A.Ja., Kaceneľsona L. (eds.), *Evrejskaja jenciklopedija. Svod znanij o evrejstve i ego kul'ture v proshlom i nastojashhem*, St-Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., Vol. III, Stlb. 623–624.
14. Pridnev S. Karaimskie knigi, izdannye v Evpatorii. *Izvestija Krymskogo Respublikanskogo kraevedcheskogo muzeja*, Simferopol, 1996, Vol. 14, pp. 58–64.
15. Prokhorov D.A., Kizilov M.B. Chufut-Kale – «Iudejskaja krepost» v Krymu – kak jekskursionnyj ob'ekt v konce XIX – nachale XX vv. (K probleme ispol'zovanija pamjatnikov karaimskoj istorii

- i kultury). *Paralleli. Russko-evrejskij al'manah*, Moscow, Dom Evrejskoj knigi Publ., 2009, Vol. 10–11, pp. 41–61.
16. Prokhorov D.A. Dokumenty po istorii izuchenija Chufut-Kale v XIX – nachale XX vv. v Gosudarstvennom arhive v AR Krym. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii "XIV Bosporskie chtenija. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Arheologicheskij ob'ekt v kontekste istorii"*, Kerch', 2013, pp. 392–396.
 17. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*, Sobranie 1, St-Petersburg, 1830, Vol. XXIII, Otd. I, pp. 705–706.
 18. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*, Sobranie 2, St-Petersburg, 1852, Vol. XXVI, Otd. I, pp. 352–353.
 19. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*, Sobranie 2, St-Petersburg, 1866, Vol. XXXVIII, Otd. I, pp. 302–306.
 20. *Statisticheskij vremennik Rossijskoj imperii*. St-Petersburg, 1866, Vol. I, XXXVI, 243, 117 p.
 21. Fel'dman D.Z. S.A. Bejm – glava karaimskoj obshhiny Kryma (po arhivnym materialam). *Vostok. Afro-Aziatskie obshhestva: istorija i sovremennost'*, 2000, Vol. 3, pp. 53–63.
 22. Fel'dman D.Z. Dokumenty RGADA po istorii krymskih karaimov XVIII–XIX vv.: opyt arhivnogo issledovanija. *Istochnikovedenie i istoriografija istorii Kryma XV–XVIII vv.: problemy i perspektivy*, Simferopol, 2016, pp. 493–506.
 23. Firkovich A. «Avnje Zikkaron»: putevye zametki Avraama Firkovicha. *Karaimskaja zhizn'*, Moscow, 1911, Vol. 5–6, October–November, pp. 82–87.
 24. Hronika tekushhej zhizni. Obshhie izvestija. Polozhenie Chufut-Kale. *Karaimskaja zhizn'*, Moscow, 1911, Vol. 2, July, p. 78.
 25. L.Z. Podróż naukowa T.S. Lewi-Babowicza. *Myśl Karaimska*, Wilno, 1928, Vol. 1, Z. IV–V, p. 80.

D. A. PROKHOROV

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

SHLOMO BEIM'S AND AVRAAM FIRKOVICH'S PROJECTS TO PRESERVE THE "CAVE TOWN" OF CHUFUT-KALE IN THE NINETEENTH CENTURY (ACCORDING TO ARCHIVAL MATERIALS)

Abstract: In the mid-nineteenth and early twentieth centuries, Chufut-Kale attracted intent attention from the Russian government and the academic community. There appeared numerous initiatives to study and preserve historical and cultural heritage of the Karaites, also directed at the preservation of this "cave town" as the residential centre for the Karaites living in the Taurida governorate. However, when the Karaite intellectuals with participation from Russian officials launched a new type school for Karaites in Chufut-Kale, it raised negative reaction from the Karaite community, which in that time did not want changes in the traditional education system. The lack of necessary support and material problems resulted in this school was closed soon. Sh. Beim's and A. S. Firkovich's attempts to move the bodies of confessional Karaite self-government from Evpatoria to Chufut-Kale and to settle there the Karaites from Troki and the Middle East countries failed as well. Finally, this "cave town" was depopulated in the late 1870s.

Key words: Chufut-Kale, Shlomo Beim, Avraam Firkovich, Karaites, Taurida governorate, historic-cultural and architectural heritage.